

ВОЛЖСКОЕ СЛОВО

№ 139

СРЕДА 2-го (15-го) июля 1914 г.

Адрес редакции: Самара, Дворянская ул., солдатская ком., № 122. Телефон № 39.

№ 2017 в.

Писецъ мятущейся Россіи.

Есть три группы писателей объединенные въ своемъ творчествѣ однимъ общимъ мѣтежомъ: стремленіемъ отыскаться на общественныхъ переживанияхъ. Но представители этихъ трехъ группъ осуществляютъ указанное, чисто физическое требование души русского читателя, различно. Одни живутъ общества, какъ таковой, они подходятъ съ прѣвъ совершиенно рѣзкими вымыслами. Одна, живописуютъ жизнь "свершенной безстрастно", то отыскивая съ шампанскимъ на ея отрицательныхъ сторонахъ и не радуясь отрадными явленіями. Другие, изображая окружающую действительность, уже не довольствуютъ подобнымъ индиферентизмомъ въ творчествѣ, а пробуютъ сказать "своё" собственное слово и произнося его, обнаруживаютъ свое отшельство къ общественнымъ интересамъ для при чѣль языка дѣлами идеалами языка. Третье—то разрушавшее и созидающее жизнь, — это учителя жизни.

Въ какую же изъ этихъ группъ долженъ быть отнесенъ Чеховъ?

Простымъ, беспристрастнымъ живописателемъ-епоки, какъ напримѣръ, Гончаровъ, онъ не быть; для этого у него были слишкомъ чуткая душа и отъзвѣстое сердце. Но онъ и не учитель жизни, — по Толстой, не Достоевский...

Чтобы быть Толстымъ, Достоевскимъ, Борленко или, хотя бы даже Андреевскимъ, наѣть хоть немножко публицистомъ, а Чеховъ публицистомъ не быть. Раньше всего и прежде всего онъ былъ художникомъ впечатлительнымъ къ красотамъ и безобразиямъ жизни; но не простымъ созерцателемъ нѣтъ, для этого чѣмъ лишнею любить жизнь. Чеховъ занималъ ко второй группѣ писателей, къ которой можетъ быть отнесенъ въ Лермонтова.

Плодомъ первыхъ выступлений Чехова были именные "смѣшные" рассказы. Веселые писатели они остались и по сю пору въ представлении читательской массы (см. воспоминаніе Куприянова); но мало-мало читательский читатель, поглядывая любую бѣлѣшку Чехова, поглощается впечатлениемъ, а потому, отложивъ, вѣсѣлость вспоминаетъ, а потому, отложивъ, ее въ сторону—погружается, что осталася как-то горькая вакханія за сердцемъ (Ивановъ Розумниковъ). И это вѣрою по отложению, всѣмъ мѣлкимъ рассказамъ писателя, не говоря уже о такомъ первѣ художественного творчества, какъ "Унтер Пришибеевъ". Какъ изъ жажды иѣхоторого проведенія Чехова — вѣрою напоминаютъ фразу Пушкина о "Мечтѣ душахъ": "Вѣже, какъ грустна падла Россія". И эту фразу вспомнили не только мы все вспомнили всѣйки добросовѣстныхъ читателей, вспомнили и самъ Чеховъ и пересказали, конечно, въ иныхъ словахъ, утеряли героевъ своихъ, болѣе подлинныхъ произведеній, доведенные до скромности окружающею жизнью до пессимизма.

"Что же дѣлать, надо жить,—говорятъ подшиблемъ члены Сана въ „Дядя Ванѣ“: ...проскользъ длины-длины ридъ дѣвъ, долихъ, четырьмя... а когда наступитъ таинъ, часъ, мы покорно умремъ... мы обрадуемся у терпѣнья наша, несчастыя отыскемся въ изумлѣніи, съ улыбкой и отложимъ. Я вѣрю, дядя, я вѣрую горячо, страшно.... Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ!"... Жизнь—тѣжелое бремя, смерть—отъѣзъ—это за jakiльческій аквардъ „Дядя Ванѣ“; блаженствуютъ въ четырѣхъ веселются съ жизнью сеи тѣлки сдѣланные: "старыя сухарь", "ученая зола", профессоръ Себѣрѣцкій, его тепла, увлекающею чтеніемъ отжившихъ свое время книжниками и брошюрокъ и "разные мелкие мѣшалы растителльной жизни, идеалы которыхъ не идутъ дальше запаха тѣи обѣду"; такие же люди какъ: дядя Ваня, Сеня, Астроль, Елена Андреевна—несутъ жизнь, какъ тяжелый костыль.

Чехова чѣмъ дали восемьдесятые годы, поэтому неудивительно и тому поясняю отъ бичеваше героя именно этого десятилѣтія, каковымъ является герой драмы "Ивановъ".

Когда-то и Ивановъ, во дни юности своеї волевалъ, горячился, сгорялъ въ порыбы, жилъ во всю, оражалъся съ мѣлкими, бѣлъ любъ, обѣ стѣбы, "любими", поглаголилъ и вѣрилъ въ то, что какъ есть"... Но это это минуло въ вѣчность. Въ драмѣ Чехова уже "устоѣлся разочарованный, раздавленный своимъ "вѣтхознамъ поливами" человѣкомъ". Съ тѣмъ, что ему забыла срея, Ивановъ не согласенъ, хотя другие восемьдесятники, дядя Ваня, Астроль—свою духовную смерть только стяну въ объѣкты: "жизнь обыкновенная, жизнь презрѣнія, вѣчнаго есть; она свояма гнѣвными испареніями отвѣтъ нашу прѣкъ" и мы стала такими же попляжками, какъ есть..." По виду причѣѣ или по другой, то Ивановъ сталъ такимъ же попляжкомъ, какъ есть..." мѣшаниномъ духа и теперь, онъ такъ же какъ и весь, какъ и любой восемьдесятникъ любить говорить странные и жалкіе слова, заняться самоопле ваніемъ.Выѣрайте себѣ что-нибудь заудиное, спрѣкное, безъ яркихъ красокъ, безъ "чѣмъ" звуковъ. Вѣбите всю жизнь "прѣкъ" по шаблону. Чѣмъ тѣрѣ и монотоннѣѣ фразы, чѣмъ лучше. Голушики, не вояйте отъ одиночки съ тысячи, не сражайтесь съ мѣлкими, не бѣгите лбомъ о стѣбы... Запиряйтесь себѣ въ свою раковину и дѣлайте свое маленько. Богомъ давное дѣло".... Таковы мѣшаникъ идеалы, составляюще философию Иванова!

Но во слизи Ивановъ представленъ типъ восемьдесятца въ творчествѣ Чехова. Мѣшанство сѣмидесятской жизни вѣчно и въ "Юнонѣ", и въ Андреѣ въ "Прѣкъ сестеръ", и въ Павѣлѣ Андреевичѣ, человѣкѣ "не съ настоящей душой", въ "Женѣ", въ архитекторѣ Полозовѣ ("Моя жизнь") и т. д....

"Но это не такъ,—говорить одни изъ историковъ русской литературы—если вся жизнь есть безпросвѣтное, чѣмущее мѣшанство, то Бѣзъ мой, что это за "сѣмѣчная история" чѣмъ! Кучаешь и страшешь, страшна и отчуди въ своей плоскости и личностѣ".... Къ такимъ чѣмъ выводятся праны и герои Чехова. Сынъ архитектора Полозова ("Моя жизнь") говорить, спрашивая: "зачѣмъ же эта ваша жизнь, заѣмъ она такъ скучна, такъ бездорна, заѣмъ вы не одомыѣ вѣа этихъ домовъ, которые вы строите вѣа уже тридцать лѣтъ, сѣть людей, у которыхъ я хотѣлъ бы поучитъ и чѣмъ жить?"... "Городъ вѣа существуетъ сѣмѣ лѣтъ,—продолжаетъ онъ свою мысль дальше,—и за все время вѣа не дала ни одною полезнаго человѣка—ни одного! Вѣ душами въ зародышѣ все мало-мальски живое и яркое! Города, лавочниковъ, трактирщиковъ, кавалеристовъ, ханжей, ненужный, безполезный городъ, о которомъ бы не пожалѣла ни одна душа, если бы вдругъ проѣхала и сквозь землю"....

Объ этомъ же говорить въ Андрѣѣ въ "Прѣкъ сестрѣ": "Городъ, наѣть существуетъ, уже дѣлѣть мѣТЬ, и сѣмѣ сто тысячъ мѣлкихъ, и не одного, который не было бы поменьше на другихъ.. Только ёдѣть, пытать, спать, потоѣтъ умираютъ... рождаются другиѣ и тоже ёдѣть, пытать, спать, смотрѣтъ, чтобы не отуть отъ скуча, разогнать жизнъ свою гадкой смѣткой, водкой, картами".... Кѣмъ отуть на юрѣ отъ того же Андрѣѣ, "чѣмъ мы едва вѣжливы жить, становимся дѣкъны, сѣры, неинтересны, живыны, разодушены, безполезны, несчастны?".... Оттого, что выхода изъ болота мѣшанства мѣТЬ—оно затягиваетъ, оно широко, какъ стѣба, отъ него не выѣрѣть скрыться, оно залило собою весь миръ".... Не даромъ героями одной изъ драмъ Чехова, "струги изъ вѣи залы", "изъ Москву" въ Москву! въ Москву!, можъ въ это выѣхать какъ Стюта мѣшанства единственное, что смотрѣтъ среднему человѣку, это послѣдователь гоѣму героя, Черного Мѣлаха", сойти съ уха и уже въ пріянѣ маны величества чувствовать себѣ весельемъ, счастливымъ, орнитальнѣмъ...

Видя всю безвыходность изъ трагического положенія героя своего времени Чеховъ чувствовалъ, что и онъ близокъ къ этой послѣдней чертѣ; а вѣа почувствовалъ, то долженъ быть изъ него быть тѣа такую-нибудь Искому...

Выходъ, какъ ему показалось отъ напѣла въ тѣа изѣвѣлся, хотя и на времѧ, отъ охватывающаго его мѣтущаго настроения. Дѣствительство, отрицаніе Толстымъ и формы, и содѣржанія культуры, какъ пельмѣль, приближалось къ вѣгѣдѣ Чехова — мѣшанство жизни по существу не только фразы ея, но и содѣржанія, въ рассказахъ. Чехова періода приблѣзившегося 1896—1892 гг. не часто встрѣтишь прорыкающіяся нотки толстовства.... "Я пренеѣши ваши книги, презираю всѣ блажи душой" изъ "Женѣ", въ архитекторѣ Полозовѣ ("Моя жизнь") и т. д....

"Но это не такъ,—говорить одни изъ историковъ русской литературы—если вся жизнь есть безпросвѣтное, чѣмущее мѣшанство, то Бѣзъ мой, что это за "сѣмѣчная история" чѣмъ! Кучаешь и страшешь, страшна и отчуди въ своей плоскости и личностѣ".... Къ такимъ чѣмъ выводятся праны и герои Чехова. Сынъ архитектора Полозова ("Моя жизнь") говорить, спрашивая: "зачѣмъ же эта ваша жизнь, заѣмъ она такъ скучна, такъ бездорна, заѣмъ вы не одомыѣ вѣа этихъ домовъ, которые вы строите вѣа уже тридцать лѣтъ, сѣть людей, у которыхъ я хотѣлъ бы поучитъ и чѣмъ жить?"... "Городъ вѣа существуетъ сѣмѣ лѣтъ,—продолжаетъ онъ свою мысль дальше,—и за все время вѣа не дала ни одною полезнаго человѣка—ни одного! Вѣ душами въ зародышѣ все мало-мальски живое и яркое! Города, лавочниковъ, трактирщиковъ, кавалеристовъ, ханжей, ненужный, безполезный городъ, о которомъ бы не пожалѣла ни одна душа, если бы вдругъ проѣхала и сквозь землю"....

Цѣла же почувствовъ это. Чеховъ гдѣ мѣТЬ гдѣ выступитъ прѣстъ увлекающаго его, только вчера, ученикъ "Палата № 6", "Хорошіе люди", "Моя жизнь" и др.—вѣть это художественный по формѣ протестъ. Нѣсколько позже, въ одинъ изъ своихъ писемъ Чеховъ пишетъ: "Толстовская философія сильно прогадала меня, владѣлъ мной вѣть 6—7, и прѣстовали на меня изъ отчудныхъ положенія, которымъ мѣсть были ногѣтами раньше, а тѣсть-какая манера выражаться—рассудительность и, вѣроятно, типичность своего рода; теперь же во мнѣ что-то протестуетъ".... Съ момента появления этого протеста начинаясь переносъ въ пессимизмъ Чехова: критика толстовства дала ему возможность найти теоретический выходъ изъ захваченнаго круга тусклой обѣдненности и бездѣлъ-мѣшанства жанра, и..., уѣврѣвалъ за прогрессъ" (прѣстъ-вѣвное выше письмо 1894 г.).

Самоусовершенствование, этот идол толстого и вообще эпохи восьмидесятых годов, теперь утрачен для Чехова всяческое обаяние. „Навсегда огрупова и хлеба и думает, что от этого стала совершенней“ — иронизирует он в „Печкинѣ“. Разгадывая свободы на внутреннюю и внешнюю — профилактика священное слово („Малата № 6“ Доктор Рагинь повествует о таком подразделении в рассказѣ: „... между теплым уютным кабинетом и этой палатой быть никакой разницы; покой и удовольство человека не винят его, а в немъ самому... Обыкновенный человекъ идетъ хоршаго или другаго извѣсъ, то есть отъ коляски и кабинета, а мыслящий — отъ самого себя... Если вы почесть будеут вдумываться, то вы поймете, какъ идтико все то вѣрится, что волнуетъ насть. Чуано стремиться къ гра- зумѣй жизни, а въ немъ истинное благо“.... Это говоритъ безосознательный толстовецъ Чеховъ, въ периодъ абсолютного пессимизма не нашелъ бы что возвратить ему. Теперь же онъ обрушивается со рѣзкой оторвостью на подобныхъ мыслей: „...Суета-суета, вѣтхнѣе и вѣтхнѣе, прѣрѣнѣя жизни, страданіемъ и смерти, уразумѣтие, истинно злѣю—это это философія самаго подхояднаго доктора российскаго лежебока“.... Это говорить душевно больной Громовъ и продолжаетъ: „уразумѣніе... вѣтхнѣе, внутреннее... Извините, я это не понимаю. Я знаю только,—я знаю, что Богъ создалъ меня изъ теплой крови въ первомъ, да-сь! А органическая ткань, если она жизне-опасна, должна реагировать на всякое раздраженіе. И я реагирую! Не болѣй и отбѣлья южкомъ и слезами, на юдлость—нетодороги, я мертвотъ — отвращаю! По-моему, это собственно и называется жизнью“ Принять жизнь по такому соображенію, Чеховъ уже не могъ дальше ископытывать абсолютный пессимизмъ, а такъ же не въ состояніи быть сподобованъ за философіей пассивного самосовершенствованія.

И Чеховъ счѧтился отъ пессимизма: „Наста- нутъ лучшіе времена! — воскликнѣлъ Чеховъ Громовъ, — вѣжливѣстъ зари новой жизни, востор- жествуетъ правда, и — налагѣ улыбъ будеть праздники! Я не дожусь, издохну, но за то чѣм-нибудь правыни дожусь. Привѣтствуя ихъ отъ всей души и радуюсь, радуюсь за нихъ! Впередъ! Помогай вами Богъ, друзья!..“

То что это — мысли не только Громова, но и Чехова, ясно изъ послѣдующихъ произве- ший писателя. Чеховъ счѧтился вѣра въ то, чѣмъ будить черезъ двѣстѣ-тѣста лѣть, и обѣ эмъ онъ заявляетъ устами многихъ своихъ горохѣ.

„Тѣ, которые будуть жить черезъ сто, дѣбѣти лѣть поспѣтъ насть,—говорить Астронъ изъ „Дяди Вани“ — и которые будутъ презирать насть за то, что мы прожили свою жизнь такъ глупо и такъ безвкусно,—тѣ, быть можетъ, найдутъ средство, чѣмъ быть счастливѣмы...“ и „...И, если чѣрезъ тысячу лѣть чѣтвѣтъ будуть счастливы, то въ этомъ немножко будутъ виноватъ я...“ Только, вотъ вопросъ, тѣ, которые будутъ жить черезъ сто-дѣбѣти лѣть поспѣтъ насть и для которыхъ мы теперь про-биваемъ дорогу, помянуть ли насть добрыми словами? Нѣжка, вѣдъ не помянуть! и та от-вѣтъ: „люди не помянутъ, зато Богъ по-множитъ.“

Съ „Трехъ сестрахъ“ Вершининъ дѣлѣтъ разговаривать ту же мысль. „Жизнь тяжела; та представлется испогать изъ насть глухой и беспадежной, но все же надо сознаться, она становится все яснѣе и легче, и, повидимому, недалеко то время, когда она станетъ совсѣмъ сѣѣткой“... Какакъ разница между тѣмъ, что есть и что было! — воскликнѣтъ онъ, — а пройдетъ еще юношеское времена, кѣль-нибудь дѣбѣти-триста лѣть, и на начнѣ тещерини жизни тѣль будутъ смотрѣть и со стра-хомъ, и съ насмѣшкой!.. О, глубокро, какакъ это будетъ жизнь, какакъ жизнь!“ И какъ бы отвѣтъ: „Черезъ дѣбѣти приста, наконецъ, тысячу лѣть—дѣло не въ срѣде—становиться новая, счастливѣя жизнь. Участвовать въ этой жизни мы не будемъ, конечно, но мы для нея живемъ, теперь, работаемъ, ну, страдаемъ, мы тѣрѣемъ ее — и въ этомъ однѣмъ цѣльѣ бѣгутъ и, если хотѣтъ, неспе счастье“.

еще болѣе радостна надежды Сони („Дядя Ваня“): „Мы отдохнемъ! Мы отдохнемъ! Мы услышимъ Ангеловъ, мы увидимъ все небо въ амазахъ!...“

„...Страданія наши перейдутъ въ радость для тѣхъ, кто будетъ жить послѣ насть, счастье и миръ наступитъ за землю и помягѣтъ добрымъ словомъ и щѣглѣвать тѣхъ, кто жить теперь...“ — таѣмъ заключительныи аккордъ „Трехъ сестрахъ“.

И все-таки, несмотря на безоговорочную опти-мистичность настроения Чехова, въ эту пору его произведенияхъ чувствуется тутъ и тамъ вѣтъ тижене, а именно: сознаніе невозможности устроить жизнь не въ мѣрѣ трансценден-тальнѣ и не черезъ сотни лѣтъ на землѣ, а тесно, и чѣмъ-то, для жизни чѣмъ-то.

ностей. Это видно изъ двухъ писемъ 1894-го года; первое: „Расчетливость и справедливость говорить мнѣ, что въ электричествѣ и парѣ любви къ человѣку больше, чѣмъ въ цѣломудріи и воздержаніи отъ мяса“; второе: „Я съ дѣствомъ уѣхалъ въ прогрессъ и не могу не уѣхать, такъ какъ разг҃о между временемъ, когда меня драли, и временемъ, когда я началъ пересталя драить, была трапеза“...

Намъ сеѧться безразлично, вѣрятъ ли Чеховъ или только пытаются вѣрить въ счастье жизни, во факты его опасенія отъ отчалинъ, отъ беспросвѣтнаго пессимизма констатировать мы должны. Подъ вѣнчаніемъ новыхъ настроений у него появилась въ любовь къ Петрокѣ въ красочной жизни.

И какъ бы закрѣпляя это новое состояніе своего духа Чеховъ создаетъ „Рассказъ не-вѣстнаго человѣка“, где говорить: „...Какъ хотѣлось жить! Я готовъ быть обнять и вѣ-стить въ свою короткую жизнь все, доступное человѣку. Мне хотѣлось и говорить и читать, и стучать молотомъ гдѣ-нибудь въ большомъ заводѣ, и стоять на вахтѣ и пахать...“

Съ теченіемъ времени нога изъ „Невѣсты“ на человѣку приближается смерть, и она чувствуетъ ея приближеніе, — эта жаждка жизни превращается въ упօеніе ею: „Мы странно хотѣется жить, хочется, чтобы наша жизнь была святая, высока и торжественна, какъ сводъ небесный. Будемъ жить! Солнце не восходитъ два раза въ день и жизнь дается не дважды“...

Что подъ этии словами подразумѣваетъ Чеховъ, можно еще сомнѣваться, но въ разг҃о Ярцева („Три сестры“) Чеховъ чѣмъ-то от-чѣтиво: „Когда богата разнообразная русская жизнь, ахъ, какъ богата! Знаете я съ каза-дымъ днѣмъ все болѣе и болѣе уѣбываюсь, что мы живемъ пакадунъ величайшаго торжес-тва, и мнѣ хотѣлось бы дожить, самому уча-ствовать... И вовсе не хочу, чтобы изъ меня вышло что-нибудь особенное, чтобы я создалъ величие, съ мной просто хотѣла жить, мечтать, не фантазия, исходу поспѣшать.“

Сокращательно же эта мысль созрѣла въ разг҃аѣ „Крыжовникѣ“, безспорно явившимся послѣднимъ „крестомъ“ на чеховскомъ толстов-ствѣ: „Принятое говорить, что человѣку вужено только три аршина земли. Но, вѣдъ, три ра-шина нужны трупу, а не человѣку. И говорить также теперѣ, что если наша аршина-человѣкъ изѣбѣтъ три аршина къ землѣ и спустится въ усадьбы, то это хорошо. Но, вѣдъ, эти усадьбы тѣ же три аршина земли уводятъ изъ города отъ борьбы, отъ занѣйтскаго шума, уходя-дятъ и прятатъ у себя въ усадьбы — это не жизнь, это звонъ, лѣпъ, это своего рода мо-нашество, но монашество безъ подвѣта. Чело-вѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, въ ширину, гдѣ на просторѣ она могъ бы поглощать всѣ свойства и особенности своего сбѣднѣнаго духа“...

Изъѣкъ, казалось бы, Чеховъ переродился. Абсолютному пессимизму явился на сбѣдѣ абсолютный оптимизмъ. Пришла долгожданная „Мѣра въ прогрессѣ“... Но... Но именно въ этии годы, „обновленіи“ Чехова пишетъ своего „Дяди Ваня“, „Три сестры“ и др., гдѣ возвѣтъ наиболѣе безоговорочными признаніями рисуя отъ на-

На рѣгу слѣдованиемъ этиихъ прогрессивнѣй, призывающиихъ: „Жить то мелкое и пріярочное, что мѣшаетъ быть свободными и счастливыми — вотъ цѣль и смыслъ нашей жизни. Впередъ! Мы идемъ неудержимо къ яркой сбѣдѣ, которая горитъ тамъ вдалѣ. Впередъ! Не отставай друзы!“ (Трофимовъ изъ „Вишневаго сада“); или „...если бы посторонне наступила эта краткая ясная жизнь, которую можно будетъ просто и смѣло скоптѣть къ глаза своей ста-бы, склонивъ себѣ прѣѣзжъ, быть веселымъ, свободнымъ! А такая жизнь рано или поздно настанетъ“ („Невѣста“). На рѣду съ ними въ произведеніяхъ писателя большинство героевъ че-вѣстъ отъ авторомъ, именемъ своей вѣры. Они имѣютъ автогромъ на сло-вахъ привыкъ „грабѣ въ прогрессѣ“, въ ду-ше не одобрять ее. Они чувствуютъ, что центръ тижене лежитъ въ достоинствахъ цѣлыи темперы, немедленно а не когда-нибудь, а не черезъ двѣстѣ-триста лѣтъ“.

Отъ того же „левизнѣстаго человѣка“ мы слышимъ: „Я вѣро, — говорятъ они — сѣдующимъ поколѣніямъ будеть легче и видѣтъ; въ ихъ услугамъ будеть наши сбѣти. Но, вѣдо, хочется жить, левизнѣсто это будущихъ поколѣній, и не только для чѣмъ. Жизнь дается отъ газъ, и хочется чѣмъ ее бодро осъ-слѣть, красиво... Я вѣро и въ цѣлесообраз-номъ, въ необходимости того, что происходит въокругъ, во какое мнѣ дѣло до этой не-обходности, зачѣмъ пропадать моему я?“

И, поэтому не за чѣмъ, не для чего ждать, — къ такому выводу приходитъ Чешма-Гималай-ский изъ „Брыжиковѣ“: „Свобода есть благо, говорятъ я, — разъясняетъ Чешма, — сѣя нея нельзѧ, какъ безъ воздуха, но надо подождѣать. Да, я говорилъ гакъ (А имѣстъ стъ тѣмъ въ восьмидесятыхъ годахъ говорить то же самое и Чеховъ), а теперь спрашиваю: во имя чего ждать?... во имя чѣмъ ждать, я вѣро спраши-ваю! Во имя какихъ соображеній? Мнѣ говорятъ что не все сразу, всякая идея осуществ-ляется въ жизни постепенно, въ свое время. Но кто это говорить? Гдѣ доказательства, что это спредѣздѣтъ? Вы сочтите за естествен-ный порядокъ вещей, за законность явленій, но есть же порядокъ и законность въ тѣмъ, что я, живой, мыслящий человѣкъ стояю надо рвомъ и жду, когда она застаетъ самъ, или залпнеть его иломъ, въ то время какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него и построить чѣмъ мостъ? И сѣять такси, во имя чѣмъ жить? Ждать, когда чѣмъ сѣль жить, а, можетъ быть, жить нужно и хочег-са жить!“

Гдѣ же решеніе загадки существованія та-кой раздвоенности во всемъ творчествѣ Чехова-художника и если есть решеніе ея, то чѣмъ объясняется возможность подобнаго раз-двоенія? Для разрѣшения этого вопроса, мы снова приуждены вспомнить о родоначальни-кѣ чеховской труппы — писателѣ — Лермонтовѣ.

Какъ въ творчествѣ героя „Демона“ лѣ-нельзя замѣтить раздвоеніе между реали-стическими воззрѣніями и романтическими на-строеніями, такъ и у Чехова красной пятнѣ, что я, живой, мыслящий человѣкъ стояю надо рвомъ и жду, когда она застаетъ самъ, или залпнеть его иломъ, въ то время какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него и построить чѣмъ мостъ? И сѣять такси, во имя чѣмъ жить? Ждать, когда чѣмъ сѣль жить, а, можетъ быть, жить нужно и хочег-са жить!

Съ одной стороны, передъ писателемъ стоитъ безапелляціоннѣй выводъ, что, „чѣмъ триста, четыреста лѣтъ вся земля обратится въ цѣ-тущий садъ! И жизнь будеть тогда необычай-но легка и удобна“... „Теперь же дости-гнуть такой жизни нельзѧ и приходится услаж-даться мыслью о будущемъ блаженствѣ и не по-клада руки работать на благо трядущимъ по-колѣніямъ, для устройства чѣмъ земли цѣ-тущего сада. И если въ състояніи одно спло-шное мѣщавство, съ рѣгамъ проблемами лѣ-совъ, лѣт, лучшей дали, то будемъ по бѣзѣтѣ мѣбръ работать, не поклада руки, въ пользу этого счастливаго будущаго“, уѣшша себѣ мыслью, что: „мы работаемъ, мы страдаемъ — по чѣмъ этого страданія и работъ вырастаетъ сча-стье тѣхъ, которые быть можетъ будуть прими-гать насть за бездѣлку, нѣщую, мѣстную жизнъ, съ якою можетъ въ посѣщаніи эл-лѣ

добрый словомъ"... А прочемъ по лягушому, — „люди не томянутъ, зато Богъ помянетъ“ и „наши труды не пропадутъ... Будемъ же трудиться, памятуя, что мы только средство для счастья будущаго поколѣнія“...

Съ другой стороны изъ его груди, къ у Ильи Карамазова гарыается крикъ възыщющейся и бунтующейся личности. Не для того же я страдаю, чтобы собой, злобистами и страданіями моими упавозить кому-то будущую гармонію“...

Писатель до болѣзниности чувствуетъ, что человѣкъ самъ есть цѣль, что человѣческая личность выше всего. Что: „ты явленіе мъ, которыхъ я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь имъ; я выше ихъ; человѣкъ долженъ сознавать себя выше львовъ, тигровъ, звѣздъ, выше всего въ тирѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человѣкъ, а мышь, которая всего боится“..., что человѣческая личность имѣть свою собственную абсолютность цѣнность.

И чувствуя все это, не можетъ не возстать противъ всѣхъ сволочь вчерашнихъ идоловъ: „Если людей толкъ и вѣшать, то къ чорту твою цивилизацию (имѣеть съ нею и прогрессъ разумѣется), къ чорту человѣчество! Къ чорту!.. (Самойленко изъ „Дуэли“).

Рассматривая жизнь съ этой, второй точки зрения, Чеховъ становится на сторону этическаго индивидуализма, возставая всей душой противъ реторическихъ выводовъ антииндивидуализма.

Въ Чеховѣ оттѣ „кризисъ“ изгналъ победой „десницы“ надъ „шуйцей“. Уже победа удовлетворила бы быть можетъ простого рядового человѣка, но подобного автору „Дяди Вани“ удовлетворить, спасти отъ раздвоенія, не могла; онъ не могъ отказаться отъ своей вѣры въ прогрессъ, такъ какъ именно эта вѣра спасла его отъ абсолютнаго пессимизма первой половины сто двѣтѣлости, отъ ужаса передъ мѣщанствомъ жизни. Но и сама эта вѣра, какъ мы теперь знаемъ, егъ не удовлетворяла, или удовлетворяла только отчасти, а потому прустыя пессимистическая ногти остались до конца въ творчествѣ Чехова и отѣ-то даютъ ключъ къ пониманію вывода художника, что человѣческая жизнь должна быть легкой, прекрасной, глубокой не черезъ триста-четыреста лѣтъ, а теперь, немедленно же...

Въ своемъ исканіи испытанныхъ цѣнностей жизни, въ переопѣнѣ существующихъ цѣнностей жизни общества, Чеховъ, а за нимъ вся большая ищущая и мятущаяся Россія опредѣленной исторической эпохи пришла къ вполнѣ логическому отрицанію общественного мѣщанства, къ похоронамъ своей „члоско-позитивной вѣры въ прогрессъ“ и возславленію аркаго юридического индивидуализма.

Н. Миклашевский